

Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты)

Евгений Е. Иванов

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

Одной из актуальных задач современной паремиологии как отдельной лингвистической дисциплины является семантическое описание пословиц и их классификация на семантические типы по различным критериям. В статье исследуется категоризация семантики тувинских пословиц, дифференцируются и описываются их семантические типы по критерию «отношение к действительности» в эмпирическом и аксиологическом аспектах.

В результате исследования установлено, что пословицы тувинского языка по отношению их содержания к внеязыковой действительности могут в эмпирическом аспекте ей либо противоречить, либо не противоречить. Пословицы, содержание которых не противоречит действительности, подразделяются на номологические и не номологические в зависимости от выражения необходимых vs. случайных, существенных vs. несущественных, регулярных vs. нерегулярных связей между неединичными объектами. Пословицы, не имеющие номологического содержания, разграничиваются на трюистические и не трюистические на основе его общеизвестности vs. не общеизвестности, стереотипности vs. оригинальности, очевидности vs. неочевидности. Пословицы, не имеющие трюистического содержания, выражают в аксиологическом плане либо существенные, либо мало значимые в традиционной картине мира закономерности действительности и по этому признаку дифференцируются на сентенциальные и греггерические.

Ключевые слова: паремиология; пословица; проverbsиальная семантика; семантическая типология; эмпирический аспект; аксиологический аспект; тувинский язык; тувинский фольклор

Публикация выполнена в рамках проекта D.2-F/S2022 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Для цитирования:

Иванов Е. Е. Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 317-337. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Иванов Евгений Евгеньевич — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +375 (29) 691-50-01. Эл. адрес: ivanov-rudn@mail.ru

IVANOV, Eugene Eugenevich, Doctor of Philology, Leading Research Fellow, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +375 (29) 691-50-01. E-mail: ivanov-rudn@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6451-8111

Semantic typology of Tuvan proverbs (empirical and axiological aspects)

Eugene Eu. Ivanov

Peoples' Friendship University of Russia, Russian Federation

One of the crucial tasks of contemporary paremiology as a separate linguistic discipline is a semantic description of proverbs and their classification into semantic types according to various criteria. The article examines the categorization of the semantics of Tuvan proverbs, differentiates and describes their semantic types according to the criterion "attitude to reality" in the empirical and axiological aspects.

As a result of the study, it has been found that proverbs of the Tuvan language in terms of their content's relation to extralinguistic reality can either contradict or be consistent with it in the empirical aspect. Proverbs, the content of which does not contradict reality, are divided into nomological and non-nomological, depending on the expression of necessary vs. accidental, essential vs. non-essential, regular vs. irregular connections between multiple objects. Proverbs that have no nomological content are classified into truistic and non-truistic in respect of the fact whether it is widely known vs. not well-known, stereotypical vs. original, evident vs. non-evident. In axiological terms, proverbs that do not have a truistic content express either essential or insignificant for the traditional worldview principles of reality. On this basis, they are differentiated into sentential and gregueric.

Keywords: paremiology; proverb; proverbial semantics; semantic typology; empirical aspect; axiological aspect; Tuvan language; Tuvan folklore

The publication was prepared with the support of the RUDN University Scientific Projects Grant System, project № D.2-F/S2022.

For citation:

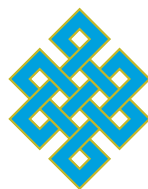
Ivanov Eu. Eu. Semanticheskaja tipologija tuvinskih poslovits (empiricheskie i aksiologicheskie aspekty) [Semantic typology of Tuvan proverbs (empirical and axiological aspects)]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 4, pp. 317-337. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Введение

Тувинские пословицы еще недостаточно изучены в семантическом плане. Основное внимание уделялось исследованию в них отдельных образов (Болат-оол, Пелевина, 2017; и др.¹), когнитивных и культурных стереотипов (Егорова, Кондакова, Кужугет, 2020), лексико-семантических компонентов (Кечил-оол, Саая, 2016, 2017), а также общему типологическому описанию компонентов их плана содержания — пословичных образов и концептов на европейском паремиологическом фоне (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021). Когнитивный анализ пословичной семантики в аспекте её категоризации по характеру отражения действительности на материале тувинского языка не проводился.

Новейшие исследования показывают, что от того, насколько адекватно описывается пословичная семантика в плане категоризации действительности, зависит степень аутентичности перевода тувинских пословиц на другие языки (Бредис, Иванов, 2022), верификация национально-культурных особенностей пословиц тувинского народа (Колесникова, 2022; Селиверстова, 2022), характеристика

¹Также см.: Салчак А. М. Образ волка в тувинских и английских пословицах // Символ науки. 2019. № 6. С. 25-27; Чугунекова А. Н. Символика чисел в хакасской и тувинской паремиологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 10-2 (37). С. 18-21.

этнокультурной и аксиологической специфики тувинской пословичной картины мира (Ломакина, 2022; Зиновьева, Алёшин, 2022; Нелюбова, 2022), описание структуры тувинских пословиц (Бочина, 2022; Иванов, Марфина, Шкуран, 2022).

Категоризация пословичной семантики традиционно осуществляется по предметно-тематическому принципу, который весьма широко используется на практике в паремиографии различных языков мира. В теоретическом плане предметно-тематический принцип активно применяется при аксиологическом описании пословичной семантики, когда выделение ценностных доминант в пословичной картине мира непосредственно основывается на названиях предметных и/или тематических рубрик в разнообразных сборниках и словарях пословиц, в том числе и тувинских (Ничипорчик, 2015; Нелюбова, Хильтбруннер, Ершов, 2019; Нелюбова, 2019, 2022). Однако такой принцип категоризации пословичной семантики характеризуется известной долей субъективизма, поскольку основан на эвристической дифференциации пословиц, прямо зависящей от предпочтений составителя того или иного их сборника или словаря и имеющей поэтому во многом случайный характер.

В последние два десятилетия развивается понятийно-концептуальный принцип категоризации семантики пословиц, различные аспекты которого используются для дифференциации пословичной картины мира, выделения в ней доминантных и периферийных концептов этнической (национальной) картины мира, репрезентированной в пословицах (Иванова, 2002, 2006), для описания когнитивно-прагматической парадигмы пословичной семантики (Семененко, 2011), для моделирования когнитивно-дискурсивных смыслов, референциально-оценочной типологии пословиц (Абакумова, 2013).

Однако обращение и к предметной, и к понятийной сфере традиционно используется при категоризации лексической и фразеологической семантики, что оправдано её номинативным характером. Семантика пословиц отличается от семантики слов и фразеологизмов, поэтому должна опираться на иные основания. Одной из актуальных проблем современной лингвистической паремиологии является разработка специальных критериев онтологической категоризации пословичной семантики, что позволило бы дифференцировать пословицы на общие семантические классы без использования принципов предметной или понятийной категоризации действительности.

В этой связи при категоризации пословичной семантики может быть использован опыт категоризации семантики афористических единиц, одним из основных классов которых являются пословицы (Иванов, 2019а: 390–391). В качестве основного параметра онтологической категоризации афористической семантики используется её отношение к действительности. На том основании, что в афоризмах выражаются «закономерности связей между неединичными объектами в границах реального мира или одного из вымышленных миров» (Иванов, 2004: 63–64), предполагается, что такие закономерности различаются «по сфере своего действия, по условиям и формам своего проявления, по степени необходимости своего существования, по своему соответствию реальному порядку вещей в мире» (там же: 64). В зависимости от этого дифференцируются группы афористических единиц, в которых выражаются закономерности одного и того же рода, т. е. «семантические типы афоризмов» (Иванов, 2003). Большинство выделенных семантических типов афоризмов имеют нечётко очерченные границы, однако строгую организацию членства (для всех элементов данной категории характерен типичный набор признаков, что позволяет объединять данные элементы в одну категорию). Такой подход представляется полностью применимым и к семантической категоризации единиц пословичного фонда тувинского языка.

Актуальность исследования заключается в том, что категоризация семантики тувинских пословиц позволит не только выявить и описать их типологически значимые семантические разновидности (что методологически необходимо для когнитивного исследования тувинского пословичного фонда), но и диагностировать в тувинском языке группы пословиц, совпадающие по характеру отражения действительности с единицами пословичных фондов других языков (что послужит основанием для сопоставительного изучения семантики тувинских пословиц на широком языковом фоне).

Цель исследования — описать категоризацию семантики тувинских пословиц и установить их основные семантические типы по критерию «отношение к действительности» в эмпирическом и аксиологическом аспектах.

Фактическим материалом для исследования послужили 770 тувинских пословиц и поговорок, отобранные при помощи фронтальной выборки (с исключением повторов и вариантов) из сбор-

ников М. Хадаханэ и О. Саган-оола (1966, 1976)¹ и новейшего сборника Б. К. Будупа (2020)², а также из тувинско-русского словаря под редакцией Э. Р. Тенишева (1968)³ и его современного издания, подготовленного под руководством Э. Р. Тенишева и Д. А. Монгуш (2014)⁴. В качестве иллюстративных примеров привлекались пословицы и поговорки, зафиксированные Г. Н. Курбатским и описываемые им в монографии «Тувинцы в своём фольклоре» (Курбатский, 2001).

Методологической основой исследования послужило современное понимание паремиологии как самостоятельного направления в языкознании (Паремиология в дискурсе, 2015; Паремеиология без границ, 2020; Паремеиология на перекрёстках ... , 2021), основные положения авторской теории пословицы как афористической единицы (Иванов, 2019ab, 2020, 2022), теории пословичной картины мира (Иванова, 2002, 2006), теории когнитивной семантики пословиц (Семененко, 2011; Абакумова, 2013), а также методы и приёмы определения национально детерминированного компонента в составе пословичного фонда языка (Ivanov, Petrushevskaja, 2015; Петрушевская, 2021; Бредис, Иванов, 2021; Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021; Петрушэўская, 2021).

Описание семантики тувинских пословиц базируется на исследованиях содержания единиц пословично-поговорочного фонда тувинского народа в лингвистическом плане (Доржу, 2012; Кечилоол, Саая, 2016, 2017; Болат-оол, Пелевина, 2017; Егорова, Кондакова, Кужугет, 2020; Бредис и др., 2021; Петрушевская, 2022), в аспекте перевода (Чадамба, 2014; Бредис, Иванов, 2022; и др.⁵), в рамках фольклористики (Курбатский, 2001; Цэнгэльские тувинцы ... , 2020; Москвичева, Александрова, Эбзеева 2022), а также на исследованиях этно- и социокультурных реалий Тувы (Будегечиева, 2018; Ламажаа, 2011, 2013, 2021), репрезентированных в пословичной картине мира тувинцев.

Семантические типы пословиц

Категоризация пословичной семантики возможна только по отношению к тем пословицам, которые содержательно не противоречат действительности. Всего можно выделить четыре общих семантических типа таких пословиц по критерию отношения содержания их к действительности с учётом разных аспектов формирования отношения такого рода в рамках пословичной картины мира:

- в аспекте эмпирическом — это пословицы номологические (1) и трюистические (2);
- в аспекте аксиологическом — это грегерические (3) и сентенциональные (4) пословицы.

Связь между семантическими типами носит системный характер, обусловленный категоризацией пословичной семантики по отношению к выражаемой в пословицах действительности.

Все содержательно не противоречащие действительности пословицы дифференцируются в эмпирическом плане по критериям существенности vs. несущественности, необходимости vs. случайности, регулярности vs. нерегулярности проявления выраженных в них закономерностей. Такой набор признаков позволяет максимально объективно разграничить закономерности, которые детерминированы человеческим восприятием и сознательным пересотворением действительности от тех, которые никак не зависят от сознания и воли человека и могут лишь фиксироваться им как объективная данность. Закономерности, в которых проявляются только существенные, необходимые и регулярные связи между неединичными объектами, имеют силу законов, а пословицы, в которых

¹ Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. 172 с. (На рус. и тув. яз.); Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976. 78 с. (На тув. и рус. яз.).

² Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. 112 с. (На тув. и рус. яз.).

³ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. 648 с. (На тув. и рус. яз.).

⁴ Тувинско-русский словарь. 2-е изд. / рук. Э. Р. Тенишев, Д. А. Монгуш. Кызыл: Тываполиграф, 2014. 648 с. (На тув. и рус. яз.).

⁵ Также см.: Коняшкин А. М., Чадамба Ш. С. О некоторых особенностях введения паремий в художественный текст (на материале русских переводов) // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 3 (46). С. 200–202; Коняшкин А. М., Чадамба Ш. С. Проблема перевода тувинских паремий (на материале русских художественных переводов) // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 3 (46). С. 202–204; Коняшкин А. М., Чадамба Ш. С. Лингвокультурологический аспект тувинских паремий в текстах русских художественных переводов // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6 (67). С. 616–618.

выражаются закономерности такого рода, квалифицируются как «номологические», т. е. имеющие «номологическую семантику» (Иванов, 2000а). Номологические пословицы являются универсальным семантическим типом, поскольку входят в состав пословичных фондов различных языков (Иванов, 2003: 46–47, 2004: 65).

Пословицы, которые не являются номологическими, различаются в зависимости от общеизвестности vs. не общеизвестности, стереотипности vs. оригинальности, очевидности vs. неочевидности своего содержания. Такой набор признаков позволяет объективно дифференцировать номологические пословицы на две категории в соответствии с двумя типами выраженных в них закономерностей действительности. Одни детерминированы поиском нового в постижении и осмыслении действительности, а другие отражают само собой разумеющиеся явления действительности и воспринимаются как самоочевидная данность.

Закономерности, в которых проявляются общеизвестные, стереотипные и очевидные связи между неединичными объектами, являются базовыми, элементарными в познании действительности. Представления об этих связях можно рассматривать как «эпистемологические примитивы», которые не требуют никаких объяснений (никаких дополнительных знаний о мире для их адекватной интерпретации, кроме тех, что содержатся в высказываниях о таких связях). Совокупность эпистемологических примитивов представляет собой минимум базовых (элементарных, исходных) знаний человека о самом себе и окружающем его мире. Пословицы, в которых выражаются знания такого рода, целесообразно квалифицировать как трюистические (имеющие семантику трюизма¹, см.: Иванов, 2000b).

Строго говоря, трюистические пословицы не несут никакой полезной с эпистемологической точки зрения информации, они не предназначены при употреблении в прямом смысле (с возможным переосмыслением отдельных компонентов) для передачи чего бы то ни было «нового», их содержание безусловно известно каждому (при необходимом условии одинакового уровня знаний и представлений о мире у всех участников речевого акта). Фразы, в которых выражаются базовые, элементарные представления человека о мире, как правило, «являются прототипами пословиц, переосмысливаются целиком, прежде чем стать паремиями» (Иванов, 2000b: 112). Отдельные фразы-трюизмы могут функционировать в качестве структурной части пословицы, а также употребляться в речи самостоятельно как рекуррентные² (Иванов, 2019b). Наличие единиц трюистического содержания в пословичном фонде носит универсальный характер, поскольку фиксируется в различных языках (Иванов, 2003: 52–53, 2004: 65–66).

Пословицы, которые не являются номологическими и трюистическими, дифференцируются в аксиологическом плане в зависимости от выражения существенных (более ценностных) либо мало значимых (менее ценностных) в жизни человека закономерностей действительности на два типа единиц, соответственно, «сентенциональные» и «грегерические». Ранее проведенные исследования показали, что грегерические пословицы встречаются в разных языках и представляют собой один из продуктивных семантических классов афористических единиц (Иванов, 2003: 51–52, 2004: 65).

Термин «грегерический» образован от слова «грегерия» (исп. *gregueria*), придуманного в своё время испанским писателем Р. Гомесом де ла Серна³ и означающего такое литературное изречение, которое содержательно направлено на отражение повседневных, локальных, мелких сторон жизни в отличие от изречений, в которых решаются глобальные, общие проблемы бытия человека и природы⁴. Грегерии широко распространены в художественной литературе как одна из разновидностей жанра литературных изречений. Однако аналогичные по содержанию фразы, в которых говорится о различных «мелочах жизни» не менее широко представлены и в фольклоре (в том числе и в пословицах), где они появились задолго до того, как были названы «грегериями» в испанской литературе (Иванов, 2007: 106).

¹ Трюизм — это общеизвестная, избитая истина, банальность.

² Рекуррентные — это такие сверхсловные единицы (словосочетания или предложения), которые часто повторяются в речи, но не воспроизводятся в ней в готовой форме.

³ Gomez de la Serna, R. Total de gregueries. Madrid: Aguilar, 1955. LXXX, 1534 p.

⁴ Гомес де ла Серна, Р. Грегерии // Гомес де ла Серна, Р. Избранное. М.: Художественная литература, 1983. С. 294–341.

Пословицы, содержание которых не имеет ни номологического, ни трюистического характера и в которых выражаются эпистемологически и аксиологически значимые в жизни человека закономерности объективной действительности, относятся к «сентенциональным». Такая квалификация пословиц указанного содержания основывается на общем, классическом (сформировавшемся ещё в древнеримской культуре и литературе) понимании сентенции как всякого афоризма, в том числе и фольклорного, в котором выражается какая-либо общезначимая мысль¹. Использование понятия и термина «сентенция» применительно к тувинскому языку и фольклору оправдано тем, что пословицы сентенционального содержания встречаются в различных языках и могут рассматриваться как одна из провербиальных универсалий (Иваноў, 2002). Как показали ранее проведенные исследования, пословицы-сентенции представляют собой наиболее распространённый и продуктивный семантический тип афористических единиц (Иваноў, 2003: 51–52, 2004: 65), что подтверждается и тувинским пословичным материалом.

Общие семантические типы пословиц, отражающие категоризацию пословичной семантики по отношению к действительности, можно представить в следующей дихотомической схеме (рис. 1).

Рис. 1. Категоризация пословичной семантики по отношению к действительности (общие семантические типы пословиц).

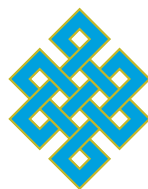
Fig. 1. Categorization of proverbial semantics in relation to reality (general semantic types of proverbs).

Семантическая типология пословиц по критерию «отношение к действительности» является общей для различных языков мира. Однако в каждом языке специфичны, во-первых, количественная представленность разных пословичных семантических типов, во-вторых, способы и формы их актуализации, в-третьих, их предметно-тематическое содержание и образное выражение. Национально обусловленная специфика реализации различных семантических типов пословиц свойственна и пословично-поговорочному фонду тувинского языка.

Номологические пословицы

Номологические пословицы составляют свыше 9,5% от количества всех проанализированных единиц тувинского пословичного фонда (т. е. каждая десятая тувинская пословица обладает номологической семантикой либо полностью, либо частично – только один из её структурных компонентов). В таких пословицах (образующих основу традиционной протонаучной картины мира) эксплицированы только существенные, необходимые и регулярные связи между неединичными объектами действительности, не зависящие от сознания и воли человека, напр.:

¹ Гаспаров М. Л. Сентенция // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 375.

- *Мөңгүнде дат чок* ‘У серебра нет ржавчины’¹;
- *Балык бажындан чыдыыр, терек өзээнден ириир* ‘Рыба с головы тухнет, тополь с сердцевины гниёт’²;
- *Бөрү кырыза-даа, джиги чидиг* ‘Волк старый, но зуб – острый’ (ППТН, 93) и т. д.

Номологическая семантика пословиц реализуется только в рамках наивной картины мира (в отличие от непословичных афористических единиц, номологическая семантика которых проявляется также и в научной, и в профессиональной картинах мира, см.: Иваноў, 2000а: 45). Этим объясняется то, что номологические пословицы отражают только такие законы, которые не выходят за рамки эмпирического опыта, не актуализируются вне перцепции, напр.:

- *Адар даң адын кээр, Үнер хүн үнүп кээр* ‘Утро всё равно наступит, И яркое солнце взойдёт’ (ППТН, 82);
- *Далай дүвүнге хол четпес, Таңды бажыңга аргамчы четпес* ‘Рукой дна моря не достанешь, Вершину Танды [горы] не заарканишь’ (ТПП, 158-159);
- *Кижиги ийи катап төрүттүнер эвес* ‘Человек два раза не рождается’ (ППТН, 32);
- *Шаг шаа-биле турбас, Чавылдак көгү-биле чытпас* ‘Траве вечно не зеленеть, Времени на месте не стоять’ (ППТН, 71);
- *Үе кээрге, «адыр» чок, Үер кээрге, чай чок* ‘Времени не скажешь: подожди, Половодью не скажешь повремени’ (ППТН, 55) и т. д.

В подавляющем большинстве тувинских пословиц с номологической семантикой выражаются законы той природной действительности, которая окружает скотовода-кочевника и охотника, напр.:

- *Ак-даа, кара-даа хойнуң эжди дөмей* ‘У белого или чёрного барана мясо одинаково’ (ППТН, 84);
- *Буура кырыыр, Бодаган өзер* ‘Верблюд старится, Верблюжонок растёт’ (ТПП, 34-35);
- *Курт-чажар балыг эндевес, Кускун сек эндевес* ‘Муха чует, где рана, А ворон – где падаль’ (ППТН, 36);
- *Өрттенген сындан ыяш үнер, Өлген өшкүден дүк үнмес* ‘В сгоревшем лесу деревья вырастут, У павшей козы шерсть не вырастет’ (ППТН, 45);
- *Хат чокта, сиген бажы шимчевес* ‘Без ветра трава не зашелестит’ (ППТН, 58);
- *Азыраан мал төне бээр, Арганың аң-меңи төнмес* ‘Домашний скот может кончиться, а зверь в тайге – нет’ (ППТН, 84) и т. п.

Сферой действия законов, выраженных в номологических пословицах, является не только весь окружающий мир (включая физическую и духовную природу человека как один из его материальных объектов), но и область непосредственного восприятия человеком самого себя как личности и как индивида в определённой социальной среде, своих действий, а также своих отношений с внешним миром и своего места в нём. Напр.:

- *Аңчы кижиги одар эндевес, Айбычы кижиги аал эндевес* ‘Охотник знает, где зверь водится, Гонец знает, где аал находится’ (ППТН, 16);
- *Аът болуру кулунундан, Кижиги болуру чажындан* ‘Конь вырастает из жеребёнка, Человек из малого ребёнка’ (ППТН, 17);
- *Кижиги өзер, Кидис шөйлүр* ‘Войлок растягивается, Человек растёт’ (ППТН, 32);
- *Көөр каракта согур чок, Дыңнаар кулакта дүлей чок* ‘У зоркого глаза нет слепоты, У чуткого уха нет глухоты’ (ППТН, 109);
- *Кырган кырыыр, аныяк өзер* ‘Старое старится, молодое растёт’³;
- *Пөске от эдектевес* ‘В подоле огонь не носят’ (ППТН, 47) и т. п.

¹ Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. С. 140-141. Далее ссылки на издание в тексте будут указываться следующим образом: (ТПП, 140-141).

² Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 20. Далее ссылки на издание в тексте будут указываться следующим образом: (ППТН, 20).

³ Курбатский Г. Н. Тувинцы в своём фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2001. С. 85.

Во многих случаях в тувинских пословицах номологическую семантику имеет только какая-либо одна структурная часть, которая используется в качестве аргумента, ссылки на объективно неизменный порядок вещей в мире, эмпирического основания для последующего обобщения, напр.:

— *Аал-оран уттундурбас, Алдын-мөңгүн дадарбас* 'Родимая сторонка никогда не забудется, Золото и серебро не заржавеют' (ППТН, 80), где силу закона имеет вторая часть;

— *Адан (тевелер баштыңы, буура) теведе чыраа чок, Алдар-сайытта ылгал чок* 'У верблюда нет иноходи, У славы — разницы' (ППТН, 81), где номологической является первая часть;

— *Кара баштыг кижги аңдарлыр, Кара чудук аңдарылбас* 'Высохшее полено не зашелестит, Человек, имеющий голову, зашевелится' (ППТН, 103), где номологическая семантика присуща первой части;

— *Кижги өлүр, Алдар өлбес* 'Человек смертен, Слава бессмертна' (ППТН, 33), где силу закона имеет первая часть;

— *Кургаг ыяш чулук чок, Куруг чугаа дуза чок* 'В сухом дереве сока нет, В пустом слове проку нет' (ППТН, 35), где законом является первая часть;

— *Назын кырыыр, Өжээн кырывас* 'Человек стареет, А месть никогда' (ППТН, 41), где номологическое содержание характерно для первой части;

— *Ужар кушта чилиг чок, Улчумакта уя чок* 'У птицы костного мозга нет, У бездомного — пристанища' (ТПП, 160-161), где силой закона обладает первая часть;

— *Хат улуг-даа болза, хаяны угбас, Хаан бай-даа болза, эдинге пөкпес* 'Ветер хоть и сильный, скалу не поднимет, Хан хоть богатый, золотом не пересытится' (ППТН, 57), где эмпирическим законом является первая часть;

— *Хөй мегелетпес, Хөлеге туттурбас* 'Тень не поймаешь, Народ не обманешь' (ППТН, 59), где силу закона имеет первая часть.

Большинство тувинских пословиц не имеет номологической семантики, поскольку отражает быденную картину мира, в которой фиксируются все проявления действительности, имеющие для человека эмпирическую или аксиологическую значимость.

Напр.:

— *Олут улузу чугаалажып хөөрээр, Чорук улузу ырлажып хөөрээр* 'В юрте веселятся разговорам, В дороге — песнями' (ППТН, 42), где отсутствует существенность (не обязательно всюду «в юрте веселятся», а «в дороге поют»);

— *Авага ажы-төлү артык, Аңчыга алды-киш артык* 'Матери дитё дорого, охотнику — чёрный соболь' (ТПП, 40-41), где отсутствует необходимость (не всякому охотнику «чёрный соболь дорог») и регулярность (не всегда «чёрный соболь дорог»);

— *Өшкен от кывар, өлгөн кижги турбас* 'Огонь угасший разгорится, умершему не возвратиться' (ППТН, 46), где отсутствует регулярность (не всегда «огонь угасший разгорится») и т. п.

Восприятие объективной действительности непосредственно связано с сознанием и волей человека. В этом случае возникает проблема разграничения категорий номологической и неномологической семантики, т. е. пословиц, которые, соответственно, выражают и не выражают законы природы и социума. Формальным критерием такого разграничения можно считать невозможность контрарного перефразирования номологических пословиц без утраты истинности их содержания. Напр.:

— *Көөр каракта согур чок, Дыңнаар кулакта дүлей чок* 'У зоркого глаза нет слепоты, У чуткого уха нет глухоты' (ППТН, 109), ср. «У зоркого глаза есть слепота, У чуткого уха есть глухота» (?!);

— *Кокайга хой кадартпа, Хопчуга сөс дыңнатпа* 'Волку овец не доверяй, Сплетнику тайн не поверяй' (ППТН, 34), ср. «Волку овец доверяй, Сплетнику тайны поверяй» (?!);

— *Мөңгүнде дат чок* 'У серебра нет ржавчины' (ТПП, 140-141), ср.: «У серебра есть ржавчина» (?!) и т. п.

Номологические пословицы в тувинском языке являются достаточно продуктивным в количественном плане семантическим типом (каждая десятая пословица), обладают спецификой своей актуализации (могут выступать как отдельные единицы, однако как структурные части пословиц используются во вторичной функции аргумента), имеют этнокультурно детерминированное предметно-тематическое содержание (отражают наиболее значимые для кочевого народа законы природы).

Трюистические пословицы

Трюистические пословицы составляют свыше 8,5% от количества всех проанализированных единиц тувинского пословичного фонда (т. е. каждая двенадцатая тувинская пословица является по своему содержанию трюизмом). Напр.:

- *Алгы чугазы ойгур, Сөөк чугазы сыйлыр* ‘Тонкая кожа рвётся, Тонкая кость ломается’ (ППТН, 14);
- *Аштаза, адын чиир, Суксаза узуп ижер* ‘Чтобы голод утолить, надо дичь застрелить, Чтобы жажду утолить, надо воды попить’ (ППТН, 88);
- *Балды чокта, ыяш чардынмас, Башкы чокта, эртем билдинмес* ‘Без топора не расколоть дрова, Без учителя не понять науки’ (ППТН, 90);
- *Даг бедик-даа болза, кырлыг, Далай терең-даа болза, дүптүг* ‘Гора хоть высока, но имеет пик, Море хоть глубоко, но имеет дно’ (ППТН, 95);
- *Карактыгда көрүп каар, Кажыктыгда кылаштай бээр* ‘На то и глаза, чтобы увидели, А ноги, чтобы дошли’ (ППТН, 104);
- *Сөөк чугазы сыйлыычал* ‘Кость тонкая ломка (хрупкая, ломкая)’ (ППТН, 50) и т. д.

Пословицы-трюизмы предназначены для фиксации и сохранения наиболее очевидных и общеизвестных в рамках традиционной картины мира представлений о действительности, разнообразие которых детерминировано конкретными условиями жизни народа. Совокупность трюистических пословиц и набор репрезентированных в них фактов специфичны для каждого этноса, поскольку отражают как коллективный эмпирический опыт, так и избирательный характер познания и освоения окружающей действительности.

В тувинских трюистических пословицах представлены стереотипные, типичные реалии природных условий Тувы и традиционного образа жизни тувинского народа.

Так, в пословице *Арыг үзүктүг, Арт ажыглыг, Таңды кестиг* ‘Лес имеет проход, Хребет имеет переход, Гора имеет перевал’ (ППТН, 86) дважды говорится о горах («всё, что касалось хребтов и гор, представляло жизненный интерес для скотоводов», Курбатский, 2001: 92) и используется лексический компонент *таңды*, имеющий в тувинском языке два значения ‘1) высокая гора; 2) высокогорная тайга’¹, а также омоним — название вершины горного хребта *Таңды*, особенно часто упоминаемый в тувинском фольклоре (там же: 104).

Ещё в одной пословице трюистического содержания *Дарганга хөрүк херек, Далганга омааш херек* ‘Без горна огонь не раздуешь, Без ложки далган не съешь’ (ППТН, 25) употребляется название традиционной еды тувинцев *далган* ‘муки из жареного ячменя или пшеницы’². Далган представляет собой десерт в национальной тувинской кухне. Как готовить далган, знают все тувинцы.

«Мука крупного помола из поджаренных зерен ячменя или пшеницы — это первейшая после чая еда тувинцев. Зерна ячменя или пшеницы сначала толкут в большой деревянной ступе — согааш, затем пропекают, поджаривают в чугунном котле без масла и снова толкут. При последующем веянии полностью удаляют шелуху, затем мелют ручной каменной мельницей дээрбе. Чтобы приготовить далган, в пиалу высыпается небольшое количество далгана, добавляется топленое масло, сахар по вкусу и заливается небольшим количеством тувинского чая, перемешивается. Подают далган в горячем виде»³.

В трюистической пословице *Дылың-биле дым ужурба, Аксың-биле аал көжүрбе* ‘Языком дерево не срубишь, Словами аал не перевезёшь’ (ППТН, 27) используется слово *аал*, которое является в тувинском языке этнокультурной языковой реалией⁴ и широко употребляется в тувинских пословицах в функции «этнолингвомаркёра традиционной материальной культуры, а также образного репрезентанта фрагмента национальной картины мира тувинского народа» (Бредис, Иванов, 2022: 24). *Аал* — это название традиционного типа поселения кочевого народа. В аале объединялись только родствен-

¹ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 406.

² Там же. С. 145.

³ Далган — Республика Тыва [Электронный ресурс] // Russia Travel. Национальный туристический портал. 2022. URL: <https://russia.travel/objects/322979/> (дата обращения: 18.07.2022).

⁴ Доржу Н. С., Очур Т. Х., Чыпсымаа О. О. Краткий справочник этнокультурных языковых реалий Саяно-Алтайского региона (на английском языке): справочное пособие. Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2016. С. 10.

ные семьи. Тувинский аал, как правило, состоял из семи-двенадцати юрт (Потапов, 1969: 117–118), поэтому пословичное «перевезти аал» является, о чём известно каждому тувинцу, весьма нелёгким делом и означает переехать всему роду со всем скотом, юртами и утварью на новое стойбище, до которого нужно было ещё добраться без потерь.

В тувинских пословицах довольно часто только одна из структурных частей имеет трюистическое содержание, с которым сравнивается, на которое «опирается» как на очевидный и поэтому неопровержимый факт содержание другой структурной части. Трюизм выступает в структуре пословицы как положение, не требующее доказательства, поэтому всегда занимает место первой структурной части. Напр.:

— *Дыынмасты чаныыр, Дыңнавасты чагыыр* ‘Тупое надо точить, Непослушного надо убедить’ (ППТН, 27);

— *Кадыг черге мал доктаавас, Харам кижээ эш доктаавас* ‘На голой земле скот не пасётся, У скупого человека друзей не заведётся’ (ППТН, 30);

— *Улдуруктуң (бөрү азы ыт) азы чидиг, Улуургактың аксы байбаң* ‘У волка клыки острые, У зазнайки слова пустые’ (ППТН, 53);

— *Үзер буга мыйыс дөгээр, Үлегер билбес күш дөгээр* ‘Бодливый бык рога выставляет, Не умеющий убеждать кулаком машет’ (ППТН, 55);

— *Хүн херелдиг, Күдээ дузалыг* ‘Солнце тепло даёт, Зять — подмогу’ (ППТН, 61);

— *Ээремниң дүвү ырак, Эртемниң дөвү ырак* ‘Глубоко дно моря, Ещё глубже корни знаний’ (ППТН, 78) и т. д.

В ряд фактов упорядоченности действительности, из знания которых состоят базовые (обязательные, общеизвестные) представления человека о себе и об окружающем мире могут входить закономерности, имеющие силу закона (номологические). В основном, это эмпирические законы, знание которых является эпистемологической базой как наивной, так и научной картин мира. Например, тувинская пословица номологического содержания *Мөңгүнде дат чок* ‘У серебра нет ржавчины’ (ТПП, 140-141). Пословицы такого рода нельзя рассматривать как трюистические, поскольку именно существенность, необходимость и регулярность проявления выраженных в них эмпирических законов бытия детерминируют их принадлежность к базовым знаниям человека о мире, а не наоборот. То, что сообщается в трюистических пословицах, как было показано выше, не имеет существенной пользы в плане познания действительности, в то время как информация, которая содержится в номологических пословицах, используется человеком как эпистемологическая основа для построения непротиворечивой картины мира.

Трюистические пословицы в тувинском языке являются относительно мало продуктивным в количественном плане семантическим типом (только каждая двенадцатая пословица), однако достаточно специфичны в плане своей актуализации (редко употребляются в качестве отдельных единиц, но всегда занимают позицию первой части в двухчастных пословицах) и максимально этнокультурно маркированы (все без исключения отражают традиционный образ жизни тувинского народа).

Грегериические пословицы

Грегериические пословицы составляют около 14,5% от количества всех проанализированных единиц тувинского пословичного фонда (т. е. каждая седьмая тувинская пословица является по своему содержанию грегериией). Напр.:

— *Аш быт башка үнер* ‘Голодная вошь на голову лезет’ (ППТН, 88);

— *Баш киргенде, хөрөк эрте бээр* ‘Где голова пролезла, грудь обязательно пройдёт’ (ППТН, 91);

— *Болбас тенек бажын үзер, Дендии тенек тейин үзер* ‘У баловника разбитый лоб, У озорника — макушка’ (ППТН, 93);

— *Довурзак-даа — бөрт-түр, Тоолай-даа — аң-дыр* ‘Тюбетейка тоже шапка, Заяц — тоже дичь’ (ППТН, 98);

– Доора будук тонуң оруптазын, Хажагай будук карааң дежиттезин ‘Поперечный сук может тон¹ порвать, Сухая ветка – глаз проколоть’ (ППТН, 98);

– Кижиниң малы саарында таңмалыг, кулаанда имниг, Кижиниң кижизи салаазында билзектиг, кулаанда сыргалыг ‘Скот у хозяина имеет тамга [тавро, клеймо] на боку, отметину на ушах, Жена у мужа имеет кольцо на пальце, серьги на ушах’ (ППТН, 107);

– Коңганы хойлап-даа аарга, коңгургайны бээр ‘Колокольчик хоть за пазуху прячь, всё равно звякнет’ (ППТН, 109);

– Хөмге шивегей херек, Хөрүкке хөмүр херек ‘Коровьей шкуре шило нужно, Кузнечным мехам – уголь’ (ППТН, 63);

– Чайда ядыы чок, Кышта коя чок ‘Летом все нарядны, А зимой все будничны’ (ППТН, 63);

– Эки эзер аътка чараш, Эскит чок тиг хепке чараш ‘Хорошее седло украшает лошадь, Искусный узор – одежду’ (ППТН, 76);

– Элегиже эт харам ‘До износу вещь дорога’ (ППТН, 77) и др.

В большинстве случаев грегерическая семантика представлена в одной из структурных частей тувинских пословиц и противопоставлена содержанию другой структурной части, в которой сконцентрирован основной пословичный смысл, характеризующийся эмпирической и/или дидактической значимостью. Напр.:

– Авыралдыг чүве – ава, Аянынг эди – сава ‘Самый благодетельный человек – мать, Самая хорошая вещь – пиала’ (ППТН, 81);

– Алгының чымчаа идээзинде, Аъттың чаажы ээзинде ‘Мягкость кожи зависит от выделки, Ладность коня – от хозяина’ (ППТН, 14);

– Бажа бажазынга ынак, Өшкү хаязынга ынак ‘Свояк любит свояка, Козёл любит скалу’ (ППТН, 89);

– Бак кижиге бак кижиге ынак, Пакаалаар кижиге ыт ынак ‘Плохой человек отыщет плохого, Собака найдёт человеческий навоз’ (ППТН, 90);

– Долдайлап болбас, Дорт чугаала. Доора будук Тон орар ‘Не криви, Прямо говори, А то поперечный сучок Одежду порвёт’ (ППТН, 98);

– Дус чокта, амдан чок, Тура чокта, күш чок ‘Не захочешь – силы нет, Не посолишь – вкуса нет’ (ППТН, 27);

– Дүктүг-даа болза, түлээр, Түреңги-даа болза, сегиир ‘И шерсть может вылинять, И бедный – выйти в люди’ (ППТН, 27);

– Калбак кезек – от чуду, Харам кадай-өг чуду ‘Толстое полено огонь гасит, Скупая хозяйка дом срамит’ (ППТН, 30);

– Кидис багы – чымчак, Кижиге багы – килең ‘Кошма плоха мягкая, Человек плох сварливый’ (ППТН, 32);

– Кидистиң экизи салыжында, Кижиниң экизи бүдүжүндө ‘Войлок хорош по выделке, Человек – по воспитанному нраву’ (ППТН, 32);

– Күжүгенниң тени чидиг, Хүннээчелдиң караа көскү ‘У занозы конец острый, У ревнивого глаз зоркий’ (ППТН, 36);

– Негейни кетпеске, соок болур, Эргини билбеске, соора болур ‘Шубу не надевая – замёрзнешь, Прошлого не зная – споткнёшься’ (ППТН, 41);

– Өңгүрнүң оңары белен, Өжештиң чарлыры белен ‘Яркая одежда быстро выцветает, Упрямый человек быстро разлучается’ (ППТН, 45);

– Сөс сүрерге, шош үнер, Сөөк кагарга, чилиг үнер ‘Из кости мозг от стука вылетает, Из перебранки ссора возникает’ (ППТН, 50);

– Сагыштың бичези эки, Саваның улуу эки ‘Посуда хороша большая, Человек хорош скромный’ (ППТН, 48);

¹ Тон – тувинская национальная шуба, халат или пальто.

- *Тенектиң сөзү анчыг, Теректиң бүрүзү ажыг* ‘У тополя листья горьки, У глупца слова противны’ (ППТН, 51);
- *Узун эдек бутка ораажыр, Узун дыл башка ораажыр* ‘Длинный подол в ногах путается, Длинный язык самого опутает’ (ППТН, 53);
- *Чаашкын келирге, тон өдер, Чаңгы келирге, чаргы үнер* ‘Дождь пойдёт — халат намокнет, Чиновник придёт — тяжбу заведёт’ (ППТН, 62);
- *Чаш малдың оюну чарааш, Чаш уругнуң чаңы чарааш* ‘У козлёнка игры резвы, У ребёнка слова приятны’ (ППТН, 66);
- *Челелиг бызаа арган, Чевен кижги самдар* ‘Привязанный бычок худеет, Неумелый человек беднеет’ (ППТН, 66);
- *Чидиг балдаа ыяш чымчак, Чиге кижээ шириин чымчак* ‘Острый топор любое дерево срубит, Острослов сурового смягчит’ (ППТН, 67);
- *Чөптүг сөсте буруу чок, Чөремеде сөөк чок* ‘В правдивом слове обиды нет, В чореме¹ костей нет’ (ППТН, 68);
- *Шугум чазарда шыгаар, Шугаар бетинде боданыр* ‘Линейку строгаешь — проверяй, говорить начинаешь — подумай’² и т. д.

Отражённые в грегериических пословицах фрагменты действительности находятся на периферии познавательной деятельности человека. Вот почему пословицы-грегерии в некоторых случаях обозначают такие закономерности бытия человека и природы, обнаружение и констатация которых является результатом ярко индивидуального (субъективного) эмпирического опыта или осмысления окружающего мира. Существование подобных закономерностей может восприниматься как вымышленное, поскольку оно выходит за рамки привычных (объективных) представлений о действительности. Тем не менее содержание пословиц-грегериий такого рода остаётся в пределах здравого смысла, они сохраняют своё прямое значение, не переосмысляются в речи. Напр.: *Кыдат сагынганын кылыр, Орус көргенин кылыр* ‘Китаец делает, что вспомнил, Русский — что видел’ (ППТН, 11); *Кышты хыраазындан билир, Чайны шалыңындан билир* ‘Зиму узнают по инею, Лето — по росе’ (ППТН, 111) и т. п.

Грегериические пословицы в тувинском языке являются вторым по количественной представленности семантическим типом (каждая седьмая единица), являются специфичными по своей актуализации (в подавляющем большинстве случаев выступают как структурные части пословиц), однако почти не имеют ярко выраженной национально-культурной маркированности своего предметно-тематического содержания.

Сентенциональные пословицы

Сентенциональные пословицы составляют около 55,0% от количества всех проанализированных единиц тувинского пословичного фонда (т. е. каждая вторая тувинская пословица является по своему содержанию сентенцией). Напр.:

- *Ажылынга кызымак — Амыдыралга ынак* ‘Кто любит труд, Тот любит жизнь’ (ППТН, 14);
- *Артык тенек ағын мактаар, Болбас тенек бодун мактаар* ‘Хвостун хвалит своего коня, Глупец хвалит самого себя’ (ППТН, 16);
- *Далац иштен ажык үнмес* ‘От торопливой работы нет выгоды’ (ППТН, 96);
- *Кижги — акшаның кулу* ‘Человек — раб денег’ (ППТН, 106);
- *Кижги күжүн кижги тәтпес* ‘Жизненную силу человека никто не сломит’ (ППТН, 106);
- *Кижиниң байы төлүндө* ‘Богатство человека в детях’ (ППТН, 107);
- *Улуг дээш өөрүп болбас, Биче дээш өскелеп болбас* ‘Не радуйся, что много, Не унывай, что мало’ (ППТН, 54);

¹ *Чореме* – тувинское мясное кушанье в виде колбасы-жгута.

² Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М. : Советская энциклопедия, 1968. С. 581.

— Улустуң улуу чагыглыг, Уругнуң хеймери чассыг ‘Старший в семье всех мудрее, Младший в семье всех милее’ (ППТН, 54) и др.

Сентенциональная семантика может быть также свойственна одной из структурных частей тувинской пословицы. В таком случае эта часть либо вступает в противоречие со второй структурной частью, либо сравнивается с ней, либо опирается на неё, либо исходит из неё, либо вытекает из неё и т. д. Вторая структурная часть в пословице может иметь разное содержание — номологическое, трюистическое, грегериическое (см. выше), однако именно та часть, которая обладает сентенциональной семантикой, является в тувинской пословице основной, центральной, формирующей общий смысл всей паремии.

Напр.:

— Эдин камнаваaska — орлур, Эжин камнаваaska — чарлыр ‘Одежду не беречь — порвётся, Дружбу не беречь — оборвётся’ (ППТН, 74), где часть «об одежде» имеет номологическое содержание, а часть «о дружбе» — сентенциональное;

— Ээремниң дүвү ырак, Эртемиң дөзү ырак ‘Глубоко дно моря, Ещё глубже корни знаний’ (ППТН, 78), где часть «о дне моря» представляет собой трюизм, а часть «о корнях знаний» — сентенцию;

— Бак кижиге бак кижиге ынак, Пакалаар кижиге ыт ынак ‘Плохой человек отыщет плохого, Собака найдёт человеческий навоз’ (ППТН, 90), где часть «о собаке» является по своей семантике грегериией, а часть «о плохом человеке» имеет сентенциональное содержание.

Сентенциональные пословицы в зависимости от того, выражают они закономерности окружающего мира или жизни человека, разграничиваются на две группы, соответственно, «натуралистические» и «антропоцентрические». Такое разграничение, естественно, применимо не только к сентенциональным, но также и к трюистическим и грегериическим пословицам. Однако в отличие от других семантических типов пословиц именно для пословичных сентенций противопоставление натуралистического и антропоцентрического является значимым в плане категоризации действительности, поскольку позволяет не только объективно дифференцировать наиболее крупный в количественном плане семантический тип пословиц, но и структурировать репрезентацию в пословичной картине мира представления о природе и о человеке в их сложной взаимосвязи и взаимообусловленности.

В тувинском пословичном фонде преобладают пословицы-сентенции антропоцентрического содержания (свыше 65%, т. е. две из каждых трёх сентенциональных пословиц). Напр.:

— Ада көрбээнин оглу көөр, Ие көрбээнин уруу көөр ‘Что отец не видел — сын увидит, Чего мать не видела — дочь увидит’ (ППТН, 12);

— Ажылдан дескен түрегге дүжер, Билигден дескен чазыгга дүжер ‘От работы убежишь — в нужду попадёшь, От знания убежишь — ошибку совершишь’ (ППТН, 13);

— Алыры амыр, Бээри берге ‘Взять легко, Отдавать трудно’ (ППТН, 15);

— Диленчиниң дылы чымчак, Колданчының холу эптиг ‘У просящего речь мягкая, У берущего рука гибкая’ (ППТН, 97);

— Каракта хай чок, Кулакта кул чок ‘Глазам не запретишь, Ушам не прикажешь’ (ППТН, 103) и др.

Натуралистическое содержание характерно для тувинских пословиц в меньшей степени (менее 35%, т. е. одна из каждых трёх сентенциональных пословиц). Однако и такой показатель является весьма высоким (например, в русском и в белорусском языках количество сентенциональных пословиц натуралистического содержания не превышает 10%, см.: Иванов, Тарасова, 2008: 191–192). Не меньше трети тувинских сентенциональных пословиц натуралистического содержания имеют прямой смысл, что свидетельствует о высокой степени представленности в тувинской пословичной картине мира непосредственно воспринимаемой человеком окружающей действительности, которая репрезентируется в пословичной семантике в качестве отдельной категории. Напр.:

— Аң оруу — хан, Мал оруу — чаг ‘Путь зверя — кровь, Путь скота — сало’ (ППТН, 15);

— Аът тодарга, хоюганы кончуг апаар, Ыт тодарга, каржызы кончуг апаар ‘Сытый конь очень пугливым становится, Сытая собака очень злой становится’ (ППТН, 87);

— Бөрүнү буттары чемгерер ‘Волка ноги кормят’ (ППТН, 94);

— Бөрүлүг ойну хой эндевес ‘Стадо чувствует ущелье, где есть волки’ (ППТН, 93);

- *Доозун-биле домак чок* 'Стихия приходит неожиданно' (ППТН, 98);
- *Кадыр дагдан Калчаа далай кончуг* 'Разъярённое море Страшнее крутой скалы' (ППТН, 103);
- *Кара черни хар агартыр* 'Чёрную землю забелит снег' (ППТН, 105);
- *Кулунну кудай азыраар* 'Жеребёнка вырастит природа' (ППТН, 109);
- *Күскеге халап, Дииске оюнчук* 'Для мыши смерть, Для кота игрушка' (ППТН, 110);
- *Эки авт орук часпас, Өдүрек куш хөл часпас* 'Хороший конь не собьётся с дороги, Утка не пролетит мимо озера' (ППТН, 75) и др.

Натуралистические образы часто используются в сентенциональных тувинских пословицах для выражения антропоцентрического содержания, напр.:

- *Авдың чок-даа болза, Аргамчың белетке* 'Готовь аркан, Если даже нет коня' (ППТН, 13);
- *Кижги экизи — хун, Кижги багы — дүн* 'Человеческая доброта — тёплый день, Коварство — тёмная ночь' (ППТН, 109);
- *Кижги сеткили даштан кадыг, хөвөңден чымчак* 'Душа человека может быть твёрже камня, мягче пуха' (ППТН, 107) и т. п.

Типичным для тувинской пословицы, характеризующейся структурным параллелизмом, является комбинация в пословичных сентенциях различных по семантике частей, одна из которых имеет натуралистическое содержание, а другая антропоцентрическое. Как известно, «тувинцы — дети природы, её прилежные ученики» (Курбатский, 2001: 88), поэтому осмысление различных характеристик индивида и социума всегда опирается в пословичной картине мира на наблюдения за природными явлениями и объектами, животными и растениями. Напр.:

- *Аарыг кижги экириир, Арган мал семириир* 'Тощий конь сил наберётся, Большой человек поправится' (ППТН, 11);
- *Адыргактың аксы байбан, Аскымчының (аскымнаар авттын) чырыы чарык* 'Уздой порван рот скакуна, Разинут вечно рот у хвастуна' (ППТН, 13);
- *«Але» дээр кижги авыяастыг, Ала карактыг авт дезиг* 'Льстивый человек — лжец, Разноглазый конь — пуглив' (ППТН, 15);
- *Аң түрээнде, турлаам дээр, Кижги түрээнде, төрелим дээр* 'Зверь в беде к тайге стремится, Человек в беде к родне тянется' (ППТН, 16);
- *Арган мал семириир, Аарыг кижги сегиир* 'И худой конь сил наберётся, И большой человек поправится' (ППТН, 16);
- *Багай кижини бай бастыр, Байлаңны шортан чиир* 'Над бедным издевается богач, Малька ест щука' (ППТН, 89);
- *Бажа бажазынга ынак, Өшкү хаязынга ынак* 'Свояк любит свояка, Козёл любит скалу' (ППТН, 89);
- *Бак кижээ сөс аартык, Багай эътке чам аартык* 'Плохому человеку и слово помеха, На плохом мясе соринка заметна' (ППТН, 90);
- *Далаш ботту човадыр, Даг автты човадыр* 'Вредит человеку спешка, Изматывает коня гора' (ППТН, 96);
- *Кара булутту хат тарадыр, Кара херекти хээли агартыр* 'Чёрные тучи ветер разгонит, Глухое дело взятка оправдает' (ППТН, 103) и др.

В тувинских пословицах-сентенциях натуралистический образ может использоваться в одной из частей для выражения антропоцентрического содержания. Так, в пословице *Дагаа бар, чок-даа болза, Даң адын келир. Тараа бар, чок-даа болза, Кыш ажа бээр* 'Утро наступит и без крика петуха, Зима пройдёт и без запасов зерна' (ППТН, 95) одна часть имеет натуралистическое содержание, а другая часть — антропоцентрическое, построенное на основе природных образов «зимы» и «зерна». В такого рода пословицах наиболее ярко видно, как тесно взаимодействуют в тувинской пословичной картине мира натуралистический и антропоцентрический параметры семантической категоризации действительности.

Сентенциональные пословицы в тувинском языке представляют собой наиболее количественно продуктивный семантический тип (каждая вторая пословица), характеризуются специфическим

способом своей актуализации (как структурные части пословиц всегда выполняют смыслообразующую функцию и занимают центральное место в пословичном плане содержания), обладают ярко выраженной этнокультурно детерминированной предметно-тематической отнесенностью (каждая третья пословица-сентенция обладает натуралистическим содержанием).

Рис. 2. Количественная представленность в тувинском пословичном фонде общих семантических типов пословиц.
 Fig. 2. Quantitative representation of general semantic types of proverbs in the Tuvan proverbial corpus.

Количественное соотношение в тувинском пословичном фронде сентенциальных пословиц и других общих семантических типов пословиц, содержательно не противоречащих действительности, отражено в следующей схеме (рис. 2).

Те пословицы тувинского языка, содержание которых противоречит действительности (12,5%), требуют специального описания с точки зрения онтологического и логического аспектов категоризации пословичной семантики, что представляет собой ближайшую перспективу дальнейших исследований когнитивной организации тувинской пословичной картины мира.

Заключение

Анализ семантики тувинских пословиц с точки зрения её категоризации по критерию «отношение к действительности» (в аспектах эмпирическом и аксиологическом) позволил, во-первых, исчерпывающе и непротиворечиво дифференцировать их основные семантические разновидности (типы), а во-вторых, структурировать семантическое пространство пословичного фонда тувинского языка.

В эмпирическом плане все пословицы тувинского языка могут либо противоречить, либо не противоречить внеязыковой действительности. Те пословицы, содержание которых не противоречит действительности (87,5%), подразделяются на номологические (9,5%) и неномологические в зависимости от выражения необходимых vs. случайных, существенных vs. несущественных, регулярных vs. нерегулярных связей между неединичными объектами (в пословицах номологического содержания выражаются законы существования природы и человека в рамках эмпирической картины мира). Пословицы, не имеющие номологической семантики, разграничиваются на основании общеизвестности vs. не общеизвестности, стереотипности vs. оригинальности, очевидности vs. неочевидности своего содержания на трюистические (8,5%) и не трюистические. Пословицы, которые не имеют трюистической семантики, могут в аксиологическом аспекте отражать в традиционной картине мира тувинцев как мало значимые, так и весьма значимые закономерности действительности и дифференцируются на этом основании, соответственно, на грегерические (14,5%) и сентенциальные (55,0%).

Все универсальные семантические типы пословиц характеризуются в тувинском языке достаточно ярко выраженной национальной спецификой в плане своей количественной представленности

(наиболее продуктивны сентенции, наименее — трюизмы, неожиданно высоко продуктивны законы и грегории), способов и приёмов актуализации (все семантические типы могут использоваться в качестве структурных частей пословиц, при этом законы используются только во вторичной функции аргумента, трюизмы в основном реализуются как одна из пословичных частей, грегории всегда выступают в позиции первой части, сентенции постоянно занимают центральное место, поскольку формируют общий пословичный смысл), предметно-тематического содержания (все семантические типы, за исключением грегорий, отражают этнокультурно детерминированные фрагменты пословичной картины мира тувинского народа).

Разработанные принципы семантической категоризации пословичного фонда тувинского языка и установленные семантические типы тувинских пословиц по отношению их содержания к внеязыковой действительности позволили создать необходимые методологические основания и объективную базу данных для более детального изучения семантики тувинских пословиц и парадигматических связей между ними как единиц паремиологической подсистемы тувинского языка и как фразовых текстов в системе малых жанров тувинского фольклора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абакумова, О. Б. (2013) Пословицы в языке, сознании и коммуникации: когнитивно-дискурсивное моделирование смысла пословицы в дискурсе и референциально-оценочная типология русских, английских, испанских, французских и чешских пословиц о правде и лжи. СПб. : Алф-Пресс. 353 с.

Болат-оол, Р. В., Пелевина, Н. Н. (2017) Формирование образа женщины в тувинских и немецких пословицах // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. № 21. С. 29–32.

Бочина, Т. Г. (2022) Контраст в тувинских пословицах // Новые исследования Тувы. № 1. С. 37–46. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>

Бредис М. А., Иванов Е. Е. (2021) Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. Т. 11. № 4. С. 607–615.

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022) Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 17–36. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Будегечиева, Т. Б. (2018) Тувинская культура: материальное и духовное, традиции и новации. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 115 с.

Доржу, К. Б. (2012) Сравнения в русских и тувинских поговорках, порицающих отрицательные качества человека // Вестник Тувинского государственного университета. № 1. С. 94–98.

Егорова, А. И., Кондакова, А. П., Кужугет, М. А. (2020) Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках // Новые исследования Тувы. № 1. С. 18–31. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Зиновьева, Е. И., Алёшин, А. С. (2022) Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. № 1. С. 131–145. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

Иванов, Е. Е. (2019а) Аспекты эмпирического понимания афоризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 381–401. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>

Иванов, Е. Е. (2019б) О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. Т. 17. № 2. С. 157–170. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>

Иванов, Е. Е. (2020) Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 4. С. 659–706. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>

Иванов, Е. Е. (2022) Функции афористических единиц в русском языке // Русистика. Т. 20. № 2. С. 167–185. DOI: <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 220–233. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда (основные понятия и методика выявления) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12. № 4. С. 993–1032. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032>

Иванов, Е. Е., Марфина, Ж. В., Шкуран, О. В. (2022) Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. № 1. С. 47–68. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Иванов, Е. Е., Тарасова, М. В. (2008) Семантические типы русских и белорусских пословиц // Acta Germano-Slavica. Вып. 2. С. 188–212.

Иванова, Е. В. (2002) Пословичные картины мира (на материалах английских и русских пословиц). СПб. : Изд-во СПбГУ. 155 с.

Иванова, Е. В. (2006) Мир в английских и русских пословицах. СПб. : Изд-во СПбГУ. 280 с.

Иваноў, Я. Я. (2000a) Аб адной семантычнай разнавіднасці афарызмаў (афарыстычныя выказванні-законы) ва ўсходнеславянскіх мовах // Białostocki przegląd kresowy. T. VIII. S. 37–49. (На белорус. яз.).

Иваноў, Я. Я. (2000b) Семантычная структура афарыстычных выказванняў-трызмаў // Dziedzictwo przeszłości związków językowych, literackich i kulturowych polsko-bałto-wschodniosłowiańskich. T. V. S. 104–115. (На белорус. яз.)

Иваноў, Я. Я. (2002) «Сентэнцыя» і «максіма» як семантычныя разнавіднасці афарызма паводле яго адносін да рэчаіснасці (на матэрыяле славянскіх і германскіх моў) // Studia wschodniosłowiańskie. T. 2. S. 179–195. (На белорус. яз.)

Иваноў, Я. Я. (2003) Семантычная тыпалогія афарызма ў славянскіх і германскіх мовах // Frazeologické štúdie. T. III. S. 43–60. (На белорус. яз.)

Иваноў, Я. Я. (2004) Семантыка афарыстычных выказванняў (на матэрыяле славянскіх і германскіх моў) // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4: Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. № 1. С. 63–68. (На белорус. яз.).

Иваноў, Я. Я. (2007) Грэгерыя як семантычны тып афарыстычнага выказвання // Веснік Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя: Філалагічныя навукі. № 1 (7). С. 103–107. (На белорус. яз.).

Кечил-оол, С. В., Саая, О. М. (2016) Особенности фразеологизмов с компонентом «ухо» в тувинском языке в сопоставлении с русским // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 9–2(63). С. 107–109.

Кечил-оол, С. В., Саая, О. М. (2017) Семантические особенности фразеологизмов с компонентом «рука» в тувинском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 6–1 (72). С. 92–95.

Колесникова, С. М. (2022) Градуальная семантика русских и тувинских пословиц // Новые исследования Тувы. № 1. С. 90–103. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.6>

Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своём фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 464 с.

Ламажаа, Ч. К. (2011) Тува между прошлым и будущим. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Алетейя. 368 с.

Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества: тувинский феномен. М. : Либроком. 272 с.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Очерки современной тувинской культуры. СПб. : Нестор-История. 192 с.

Ломакина, О. В. (2022) Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–16. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Москвичева, С. А., Александрова, О. И., Эбзеева, Ю. Н. (2022) Фольклорные культуремы и структура культурных репрезентаций тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 164–182. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.11>

Нелюбова, Н. Ю. (2019) Отражение этнокультурных ценностей в пословицах франкоязычных стран // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 323–335. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-323-335>

Нелюбова, Н. Ю. (2022) Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. № 1. С. 146–163. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Нелюбова, Н. Ю., Хильтбруннер, В. И., Ершов, В. И. (2019) Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. Т. 23. № 1. С. 223–243. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243>

Ничипорчик, Е. В. (2015) Отражение ценностных ориентаций в поговорках. Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины. 358 с.

Паремиология без границ (2020) / ред. М. А. Бредис, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 244 с.

Паремиология в дискурсе (2015) / ред. О. В. Ломакина. М. : URSS ; Ленанд. 294 с.

Паремиология на перекрестках языков и культур (2021) / ред. Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 246 с.

Петрушевская, Ю. А. (2021) Методология определения национального, интернационального и универсального в фразеологии и паремиологии белорусского языка // WEST — EAST. Scientific Journal of International Scientific Pedagogical Organization of Philologists (ISPOP). Vol 5. № 1. С. 61–72. DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-61-72>

Петрушевская, Ю. А. (2022) Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на фоне этнокультурной специфичности) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 241–263. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Петрушэўская, Ю. А. (2021) Моўная спецыфічнасць і нацыянальная адметнасць прыказак беларускай мовы. Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова. 220 с. (На беларус. яз.)

Селиверстова, Е. И. (2022) Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // Новые исследования Тувы. № 1. С. 115–130. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Семененко, Н. Н. (2011) Русские поговорки: функции, семантика, прагматика. Старый Оскол : ПОСА. 355 с.

Цэнгэльская тувинцы: фольклор и литература (2020) / Донгак У. А. и др.; науч. ред. Г. Золбаяр, Б. Баярсайхан. Новосибирск : Наука. 152 с.

Чадамба, Ш. С. (2014) О некоторых особенностях перевода предложений-поговорок в текстах русских художественных переводов с тувинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 5–1(35). С. 191–193.

Ivanov, E., Petrushevskaja, Ju. (2015) Etymology of English Proverbs // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Vol. 8. № 5. P. 864–872.

Дата поступления: 07.08.2022 г.

REFERENCES

Abakumova, O. B. (2013) *Poslovitsy v iazyke soznanii i kommunikatsii: kognitivno-diskursivnoe modelirovanie smysla poslovitsy v diskurse i referentsialno-otsenochnaia tipologija russkikh, angliiskikh, ispanskikh, frantsuzskikh i cheshskikh poslovits o pravde i lzhi [Proverbs in language, consciousness and communication: Cognitive and discursive modeling of the meaning of a proverb in discourse and referential and evaluative typology of Russian, English, Spanish, French and Czech proverbs about truth and lies]*. St. Petersburg, Alef-Press. 353 p. (In Russ.).

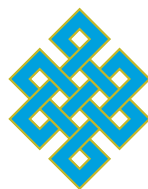
Bolat-ool, R. V. and Pelevina, N. N. (2017) Formirovanie obraza zhenshchiny v tuvinskikh i nemetskikh poslovitsakh [On woman's image in Tuvan and German proverbs]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, no. 21, pp. 29–32. (In Russ.).

Bochina, T. G. (2022) Kontrast v tuvinskikh poslovitsakh [Contrast in Tuvan proverbs]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 37–46. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2021) Tipologija poslovits pribaltiisko-finskikh narodov Rossii o bogatstve i bednosti (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (on the European paremiological material)]. *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 11, no. 4, pp. 607–615. (In Russ.).

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022) Proverbial'nye faktory perevoda tuvinskikh poslovits v aspekte normativnoi i polilingval'noi paremiografii (na fone russkogo i angliiskogo iazykov) [Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (as contrasted to Russian and English languages)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 17–36. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Nelyubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Leksikograficheskoe opisanie tuvinskikh poslovits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologi-

cheskom fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguoculturological commentary as compared to European paremies]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Budegechieva, T. B. (2018) *Tuvinskaia kul'tura: material'noe i dukhovnoe, traditsii i novatsii* [Tuvan culture: The material and the spiritual, traditions and innovations]. Kyzyl, Tuvan State University Publ. 115 p. (In Russ.).

Dorzhu, K. B. (2012) Sravneniia v russkikh i tuvinskikh pogovorkakh, poritsaiushchikh otritsatel'nye kachestva cheloveka [Comparisons in Russian and Tuvan proverbs which condemn negative personal qualities]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 94–98. (In Russ.).

Egorova, A. I., Kondakova, A. P. and Kuzhuget, M. A. (2020) Gendernyye stereotipy v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh [Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 19–34. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Zinovieva, E. I. and Alyoshin, A. S. (2022) Sem'ia v komparativnykh paremiiakh tuvinskogo, shvedskogo i russkogo iazykov [The family in comparative paremies of Tuvan, Swedish and Russian languages]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 131–145. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

Ivanov, E. E. (2019a) Aspekty empiricheskogo ponimaniia aforizma [Aspects of empirical understanding of aphorism]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 10, no. 2, pp. 381–401. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>

Ivanov, E. E. (2019b) O rekurrentnosti aforisticheskikh edinit v sovremennom russkom iazyke [Aphoristic units recurrence in modern Russian language]. *Russian Language Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 157–170. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>

Ivanov, E. E. (2020) Aforizm kak ob'ekt lingvistiki: osnovnye priznaki [Aphorism as an object of linguistics: The main properties]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 4, pp. 659–706. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>

Ivanov, E. E. (2022) Funktsii aforisticheskikh edinit v russkom iazyke [Functions of aphoristic units in the Russian language]. *Russian Language Studies*, vol. 20, no. 2, pp. 167–185. (In Russ.). DOI: <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Nelyubova, N. Yu. (2021) Semanticheskii analiz tuvinskikh poslovits: modeli, obrazy, poniatii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: Models, imagery, concepts (against the European paremiological background)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaya, Yu. A. (2021) Natsional'naia spetsifichnost' poslovichnogo fonda (osnovnye poniatii i metodika vyivleniia) [The national specificity of the proverbial fund: Basic concepts and procedure for determining]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 993–1032. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Ivanov, E. E., Marfina, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2022) Nominatsii zhivotnykh v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh: aspekty realizatsii i problematika izucheniia [Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: Problems of studying and aspects of functioning]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 47–68. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Ivanov, E. E. and Tarasova, M. V. (2008) Semanticheskie tipy russkikh i belorusskikh poslovits [Semantic types of Russian and Belarusian proverbs]. *Acta Germano-Slavica*, vol. 2, pp. 188–212. (In Russ.).

Ivanova, E. V. (2002) *Poslovichnye kartiny mira (na materialakh angliiskikh i russkikh poslovits)* [Proverbial pictures of the world (based on English and Russian proverbs)]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press. 155 p. (In Russ.).

Ivanova, E. V. (2006) *Mir v angliiskikh i russkikh poslovitsakh* [World in English and Russian proverbs]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press. 280 p. (In Russ.).

Ivanov, E. E. (2000a) Ab adnoi semantichnai raznavidnastsi afaryzmau (afarystychnyia vykazvanni-zakony) va uskhodneslavianskikh movakh [One semantic type of aphorisms (aphoristic phrases-laws) in East Slavic languages]. *Bialostocki przegląd kresowy*, vol. 8, pp. 37–49. (In Belarusian).

Ivanov, E. E. (2000b) Semantichnaia struktura afarystychnykh vykazvanniau-truizmau [Semantic structure of aphoristic phrases-truisms]. *Dziedzictwo przeszłości związków językowych, literackich i kulturowych polsko-bałto-wschodniostowiańskich*, vol. 5, pp. 104–115. (In Belarusian).

Ivanov, E. E. (2002) «Sententsiia» i «maksima» iak semantichnyia raznavidnastsi afaryzma pavodle iago adnosin da rechaisnastsi (na materyiale slavianskikh i germanskikh mou) [“Sententia” and “maxima” as semantic types of aphorism

from the point of view of their attitude to a reality (based on the material of Slavic and Germanic languages)]. *Studia wschodniosłowiańskie*, vol. 2, pp. 179–195. (In Belarusian).

Ivanov, E. E. (2003) Semantichnaia tipologiia afaryzma u slavianskikh i germanskikh movakh [Semantic typology of an aphorism in Slavic and German languages]. *Frazeologické štúdie*, vol. 3, pp. 43–60. (In Belarusian).

Ivanov, E. E. (2004) Semantika afarystychnykh vykazvanniu (na materyiale slavianskikh i germanskikh mou) [Semantics of aphoristic phrases (based on the material of Slavic and Germanic languages)]. *Bulletin of the Belarusian State University. Series 4: Philology. Journalism. Pedagogy*, no. 1, pp. 63–68. (In Belarusian).

Ivanov, E. E. (2007) Gregeryia iak semantichny typ afarystychnaga vykazvannia [The gregueria as a semantic type of the aphorism]. *Vesnik of Brest University. Series: Philological Sciences*, no. 1 (7), pp. 103–107. (In Belarusian).

Kechil-ool, S. V. and Saaia, O. M. (2016) Osobennosti frazeologizmov s komponentom «ukho» v tuvinskom iazyke v sopostavlenii s russkim [Phraseological units with the component “Ear” in the Tuvan language in comparison with the Russian]. *Philology. Theory & Practice*, no. 9–2 (63), pp. 107–109. (In Russ.).

Kechil-ool, S. V. and Saaia, O. M. (2017) Semanticheskie osobennosti frazeologizmov s komponentom «ruka» v tuvinskom i russkom iazykakh [The semantic peculiarities of phraseological units with the component “Hand” in the Tuvan and Russian languages]. *Philology. Theory & Practice*, no. 6–1 (72), pp. 92–95. (In Russ.).

Kolesnikova, S. M. (2022) Gradual'naia semantika russkikh i tuvinskikh poslovits [Gradable semantics in Russian and Tuvan proverbs]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 90–103. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.6>

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvintsy v svoem fol'klora (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora)* [Tuvans in their folklore (historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore)]. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 464 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2011) *Tuva mezhdru proshlym i budushchim* [Tuva between the past and future]. St. Petersburg, Aletheia. 368 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2013) *Arkhaizatsiia obshchestva: tuvinskii fenomen* [Archaization of the society: Tuvan phenomenon]. Moscow, Knizhnyi dom “Librokom”. 272 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) *Ocherki sovremennoi tuvinskoj kul'tury* [Essays on modern Tuvan culture]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 192 p. (In Russ.).

Lomakina, O. V. (2022) Tuvinskaia paremiologiia: lingvokul'turologicheskii i lingvoaksiologicheskii potentsial [Tuvan paremiology: Its linguoculturological and linguoaxiological potential]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Moskvitcheva, S. A., Aleksandrova, O. I. and Ebzeeva, Yu. N. (2022) Fol'klornye kul'turemy i struktura kul'turnykh reprezentatsii tuvintsev [Folklore cultureemes in the structure of cultural representations of Tuvan people]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 164–182. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.11>

Nelyubova, N. Yu. (2019) Otrazhenie etnokulturnykh tsennostei v poslovitsakh frankoiazychnykh stran [Representation of ethno-cultural values in the proverbs of French-speaking countries]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 10, no. 2, pp. 323–335. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-323-335>

Neliubova, N. Yu. (2022) Aksiologicheskie dominanty paremii kak tipologicheskie markery tuvinskoj, russkoj i frantsuzskoj etnokul'tur [Axiological dominants of paremies as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 146–163. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Nelyubova, N. Yu., Hiltbrunner, V. I. and Ershov, V. I. (2019) Otrazhenie ierarkhii tsennostei v poslovichnom fonde russkogo i frantsuzskogo iazykov [The reflection of the hierarchy of values in the proverbial fund of the Russian and French languages]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 23, no. 1, pp. 223–243. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243>

Nichiporchik, E. V. (2015) *Otrazhenie tsennostnykh orientatsii v paremiiakh* [Reflection of value orientations in paroemies]. Gomel, Francysk Skaryna Gomel State University. 358 p. (In Russ.).

Paremiologiia bez granits [Paremiology without borders] (2020) / ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 244 p. (In Russ.).

Paremiologiia v diskurse [Paremiology in discourse] (2015) / ed. by O. V. Lomakina. Moscow, URSS; Lenand. 294 p. (In Russ.).

Paremiologiia na perekrestkakh iazykov i kul'tur [Paremiology at the crossroads of languages and cultures] (2021) / ed. by E. E. Ivanov and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 246 p. (In Russ.).

Petrushevskaya, J. A. (2021) Metodologiia opredeleniia natsional'nogo, internatsional'nogo i universal'nogo v frazeologii i paremiologii belorusskogo iazyka [Methodology for determining national, international and universal in

Belarusian phraseology and paremiology]. *WEST — EAST. Scientific Journal of International Scientific Pedagogical Organization of Philologists (ISPOP)*, vol. 5, no. 1, pp. 61–72. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-61-72>

Petrushevskaya, J. A. (2022) Tuvinskie i belorusskie poslovichnye paralleli (tipologicheskaiia obshchnost' na fone etnokul'turnoi spetsifichnosti) [Tuvan and Belarusian proverbial parallels (typological community amid ethnocultural specificity)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 241–263. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Petrushevskaya, Yu. A. (2021) *Mounaia spetsyfichnasts' i natsyianal'naia admetnasts' prykazak belaruskai movy* [Linguistic peculiarity and ethnic specificity in Belarusian proverbs]. Mogilev, Mogilev State A. Kuleshov University. 220 p. (In Belarusian).

Seliverstova, E. I. (2022) Binarnye struktury v tuvinskikh poslovitsakh kak proiavlenie natsional'no-markirovannogo videniia mira [Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of the nationally marked vision of the world]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 115–130. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Semenenko, N. N. (2011) *Russkie paremii: funktsii semantika pragmatika* [Russian proverbs: Functions, semantics, pragmatics]. Staryi Oskol, ROSA. 355 p. (In Russ.).

Tsengel'skie tuvintsy: fol'klor i literatura [Tsengel Tuvans: Folklore and literature] (2020) / U. A. Dongak et al. ; ed. by G. Zolbaiar and B. Baiarsaikhan. Novosibirsk, Nauka. 152 p. (In Russ.).

Chadamba, Sh. S. (2014) O nekotorykh osobennostiakh perevoda predlozhenii-paremii v tekstakh russkikh khudozhestvennykh perevodov s tuvinskogo iazyka [Some features of the translation of paroemian sentences in the texts of Russian literary translations from the Tuvan language]. *Philology. Theory & Practice*, no. 5–1 (35), pp. 191–193. (In Russ.).

Ivanov, E. and Petrushevskaya, Ju. (2015) Etymology of English proverbs. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 8, no. 5, pp. 864–872.

Submission date: 07.08.2022.